Дарья Эпштейн

Сказки для Яна

6+

Дарья Эпштейн

Сказки для Яна

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Эпштейн Д.

Сказки для Яна / Д. Эпштейн — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В этой книге вы найдете сказки, которые придумали и записали мы с сыном. Началось все это, когда Яну было три года. Каждый вечер перед сном я рассказывала ему какую-нибудь волшебную историю, и постепенно он начал рассказывать вместе со мной - придумывать персонажей и приключения, иногда смешные, иногда - страшные и опасные. Когда Ян засыпал, я бралась за блокнот и ручку, чтобы записать все, пока не забылось. Это - результат совместной работы детского и взрослого воображения, детского и взрослого видения мира.

© Эпштейн Д., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Сестрица-Луна 5
Волшебник-неумеха 6
Сказка про древний ветер 8
Охотник и жар-птица 9
Дверь в счастье 13
Портрет 18
Лавка «Зелья и прочие товары» 25
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Сестрица-Луна

Рано-рано вставало над миром Солнце, расправляло свои помятые за ночь лучи и тянуло их к земле. А там, на земле, просыпались люди и звери, деревья и травы, цветы и насекомые. И тянулись вверх, к Солнцу, приветствуя его и желая доброго дня. Так было всегда. Всегда Солнце смотрело с небес, как суетиться и движется все живое. Но однажды весной Солнце поглядело на землю и вдруг загрустило. Солнечный свет, прежде яркий и радостный, потускнел. Встревожились звери, птицы, деревья, травы и насекомые. Даже камни стали лежать как-то обеспокоенно. Взволнованный ветер прокатился над землей и юркнул в уши Волшебнику. Тот отложил флейту и поднял глаза к небу.

– Солнышко, Солнышко! – позвал Волшебник – отчего ты грустишь? Что у тебя на душе?

– Посмотри вокруг – ответило Солнце – ты увидишь множество деревьев, людей, птиц, зверей. Даже крошечные муравьи живут большой семьей. Только у меня никого нет. Одно я на небесах.

Задумался Волшебник, почесал затылок, взлохматил свои рыжие волосы и вдруг улыбнулся:

– Это ли беда?

Взял он комок земли, добавил солнечного света, белизны водяной лилии и блеска океана, смешал все это и метнул в небо. Так у Солнца появилась младшая сестрица – Луна. Вместе они просыпались по утрам и умывались мягкими предрассветными облаками, вместе тянули лучи к земле, радуя и вдохновляя все живое. По вечерам Солнце и Луна зажигали звезды и садились пить чай, вспоминая прошедший день и строя планы на день грядущий. Они были очень счастливы.

Прошло несколько лет, и Солнце стало замечать, что Луну уже не радуют ни облака, ни земля, ни звезды. Сестра была грустна и задумчива.

– Что случилось с тобой, родная? – спросил встревоженный брат.

– Я люблю землю, и деревья, и цветы. Я люблю людей и животных, и даже насекомых. Но они не замечают меня. Они видят лишь твой свет, и только тебе шлют свою любовь и свое восхищение. А я теряюсь в яркости твоих лучей, и никто не помнит, что в небе есть еще и я.

Солнце, как могло, утешало сестру. Но все было напрасно. Тогда оно поманило к себе ветер и нашептало ему весть для Волшебника.

– Не суди Луну строго – сказал Волшебник – Она женщина, а женщинам важно, чтобы их замечали. Кажется, я знаю, как вернуть ей улыбку.

И Волшебник оставил Солнцу день, а Луне подарил ночь. И она засияла, таинственно и волшебно, и не было на земле поэта, что не посвятил бы ей стихи. Не было музыканта, не сочинившего о ней песню. Во славу Луны распускались ночные цветы, море забиралось выше на берег или, наоборот, отступало прочь, светлячки начинали свой волшебный танец. Луна была счастлива. И Солнце было счастливо, хоть и реже видело сестру. Но если вы как-нибудь приглядитесь к дневному небу, вам, возможно, удастся увидеть бледный диск, почти не различимый на голубом фоне. Это сестрица Луна пришла навестить брата.

Волшебник-неумеха

Однажды в стране, где жили только волшебники, в одной семье родился необычный мальчик. Назвали его Лиус, что значило «Светлый». Сначала он был самым обыкновенным ребенком. Лежал в волшебной колыбельке, улыбался маме и папе и учился быть человеком, как все дети. Но шло время, Лиус подрастал, и родители заметили, что мальчик совсем не умеет творить чудеса. Как он ни старался, ничего не получалось. Огонь в камине не загорался от его взгляда, ковер-самолет оставался на земле, и даже кролики не желали появляться в шляпе. Когда Лиус пошел в школу, учитель магии написал в его дневнике красными чернилами: «Нет никаких способностей к волшебству!» Мальчик очень огорчился. Несмотря на то, что он не был волшебником, это был умный и любознательный ребенок. «Не переживай, – говорили ему родители – ты обязательно найдешь свое призвание». Лиус очень хотел им верить. И, хотя в школе ему было тяжело, никогда не прогуливал занятия. Так он рос, и вскоре из мальчика превратился в юношу.

Настало утро его совершеннолетия. Отец позвал мальчика к себе и произнес:

– Ты мой сын, и я люблю тебя таким, какой ты есть. Я верю в тебя и знаю, что ты многое можешь и умеешь. Но здесь, среди волшебников, ты найдешь только жалость к себе и не будешь счастлив. Мы скопили немного денег, возьми их и отправляйся в путь. Посмотри на мир и найди в нем себя.

– Обязательно пиши нам, – добавила мать – и помни, что мы любим и ждем тебя.

Лиус взял рюкзак, попрощался с родителями и отправился в путь. Шел он долго и неторопливо, с любопытством вглядываясь в мир вокруг себя. И, наконец, оказался в городе за пределами страны волшебников. Это был небольшой, но очень уютный городок. Люди здесь не летали по воздуху, а ездили на повозках. Животные не носили одежды, а еда готовилась в печи, а не творилась заклинаниями. Лиус сбросил рюкзак на землю и уселся под дерево, чтобы передохнуть. И только он закрыл глаза, как ощутил прекрасный аромат. Это был лучший запах из всех, что он когда-либо чувствовал. Не замечая усталости, Лиус вскочил на ноги и пошел искать источник этого аромата. Вскоре он остановился у небольшой пекарни.

– Чем это так пахнет? – спросил он у пекаря.

– Неужели ты не знаешь? – удивился пекарь – Это печется хлеб.

– Как это – печется? – в свою очередь удивился юноша.

Пекарь отошел в сторону, и Лиус увидел огромную печь, в которой поспевали золотистые караваи.

– Вот это да! Должно быть, это очень искусное волшебство.

Пекарь расхохотался.

– Никакого волшебства! Только мастерство.

– Значит, и я могу так научиться? – обрадовался Лиус.

– Конечно можешь. Иди ко мне в подмастерья. Ты мне поможешь, а я тебя научу всему, что знаю.

Так Лиус стал учиться на пекаря. Сначала у него ничего не получалось, ведь он никогда не видел, как печется хлеб. Но добрый пекарь видел, что юноша старается, и был терпелив. С его помощью Лиус стал настоящим мастером. Он начал экспериментировать с тестом и научился печь не только хлеб, но и вкуснейшие пирожные. Его выпечка так понравилась горожанам, что пекарня прославилась на весь город. Пекарь и Лиус поставили в пекарне столики и стулья, чтобы покупатели могли пробовать пирожные прямо там. Так пекарня превратилась в кафе. Вскоре они открыли еще несколько кафе-пекарен. У Лиуса появились ученики. Но

юноша тосковал по дому и по отцу с матерью. Старый пекарь заметил, что его друг становится с каждым днем все грустнее.

– Что тебя беспокоит? – спросил он однажды.

Лиус рассказал ему, что у него на сердце.

– Ну что ж, – вздохнул пекарь – Мне жаль отпускать тебя, но я не могу тебя удерживать. Благодаря тебе я теперь богат, а твои ученики уже многое могут и сами изобретают новые рецепты. Половина того, что мы заработали за все время, по праву твоя. Вот тебе в придачу мой совет. Отправляйся домой и открой там свою пекарню. Пусть в вашей стране знают, что такое запах свежего хлеба.

Лиус поблагодарил своего друга и учителя, и на следующий день собрался домой. Отец и мать очень обрадовались его возвращению и сиянию его глаз. Они сразу поняли, что их сын нашел себя. Лиус, не долго собираясь, построил свою пекарню. Сначала никто не понял, зачем ему маленький одноэтажный домик и большая глиняная штука, похожая на шкаф. Но потом от пекарни потянулся запах свежеиспеченного хлеба и сладких пирожных. Любопытные волшебники, которые всегда все делали только магией, заполнили пекарню. Они никогда еще не пробовали такой вкусной выпечки. Даже самые искусные из них не смогли повторить то, что Лиус делал простой деревянной ложкой и скалкой. Так волшебник-неумеха стал великим кондитером. И те, кто чувствовал аромат свежей выпечки из его пекарни, набирали его полную грудь и неизменно говорили:

– Это волшебно!

Сказка про древний ветер

Есть где-то высокая-высокая гора, а на ней ничего нет. Ни леса, ни снега, ни дома. Только старые-старые камни, серые и холодные. А в этих камнях живет Древний ветер. Это самый первый ветер, прадедушка всех ветров. Он появился, когда планета еще была залита водой, и суша только-только думала о том, чтобы стать сушей. В те дни молодой и сильный Древний ветер гнал по воде волны, двигал по небу огромные тучи и приносил дожди. Он видел, как под водой колыхались первые водоросли, слышал, как первые живые существа, еще очень маленькие и слабые, начинали узнавать мир и самих себя. Этот ветер приветствовал самое первое дерево и дергал его за ветки, как девчонку – за косы. Он гладил шкуры древних ящеров и раскачивал колыбели первых птиц. Когда первая молния ужалила ствол дерева, этот ветер раздул первое пламя, а позже, намного позже – погасил первый костер, созданный людьми. Южный, Северный, Западный и Восточный ветра – его сыновья. Ураганы и смерчи – его внуки. Даже в легком летнем ветерке, отгоняющем комаров, есть частица дикого Древнего ветра.

Сейчас Древний ветер почти не спускается со своей горы. Дни он проводит в кресле-качалке, откуда следит за молодыми ветрами и смотрит, как меняется мир далеко внизу. Вечерами ветер вяжет длинные шарфы из облаков и вплетает в них нити дождя, бусины снега, конфетти запахов. Когда кто-то из его детей, внуков или правнуков прилетает на гору, ветер дарит ему новый шарф. Так и получается, что на севере вдруг проклевывается по весне цветок из жарких стран, а на юге откуда-то начинает сыпаться снег…

Если вдруг среди зимы ты почувствуешь запах моря и нагретого солнцем пляжа, не удивляйся. Это какой-то неосторожный ветерок пролетел мимо и задел тебя шарфом, связанным Древним ветром.

Охотник и жар-птица

Жила-была жар-птица. Жила она в самом сердце дремучего леса, в большом дупле старого дуба. Днем жар-птица спала, а ночью летала по лесу, клевала жучков-паучков и собирала зернышки. А когда наедалась, пела. Тихонько, вполголоса, так, как мог бы петь огонь в печи. И лес слушал, как могла бы слушать кошка, пришедшая погреться у огня. Так было долгие годы, и казалось, что будет всегда.

Но однажды, несчастливой летней порой, забрел в чащу леса охотник по имени Беренс. Он с самого утра бродил по звериным тропам, добыл много дичи и очень устал. Соорудив из веток шалаш и устроившись на мягком мху, охотник заснул. Среди ночи его разбудило сияние и потрескивание, будто бы рядом горел огонь. Беренс перепугался – неужели лес горит? – и выглянул из шалаша наружу. Прямо над ним, на толстой ветке, сидела жар-птица, и пела, подняв голову к небу. Замер охотник. Потянулся было к ружью, но стрелять не стал. Лежит на мху, любуется, песню слушает, и тепло у него на душе становится. А птица песню допела, голову наклонила и увидела охотника. Тут же вжик – упорхнула прочь, одно только перо на земле осталось. Лежит, сверкает, будто крохотный огонек. Поднял Беренс перо и удивился – отчего же холодное? Спрятал он его к себе за пазуху и пошел домой. А там положил перо в подсвечник, и стал его по вечерам вместо свечи на стол ставить. Жил он один, гостей у него почти не бывало, а те, кто бывали, люди простые, сказки любили и про перо молчали.

Но беда не спала, ждала своего часа. Как-то вечером проезжал той дорогой купец. Время было позднее, до дома далеко, он к охотнику и постучался.

– Пусти, добрый человек, на ночлег.

Беренс знал, каково спать под небом на дороге, впустил купца. А перо убрать позабыл. Купец как перо увидел, глазами засверкал – продай диковинку!

– Нет, купец, ты уж прости, не продам, – отвечал Беренс. – Сколько не обещай мне за него, все равно не сойдемся. Деньги ведь кончатся и забудутся, а перо – это чудо, оно всегда греть будет.

Разозлился купец, но виду не подал. Улыбается, головой кивает, а сам думает: «Ну, погоди ты у меня! Мне перо не досталось, так и тебе его не видать».

Утром, только рассвело, собрался жадный купец и помчался в столицу, прямиком к царю.

– Царь-батюшка, тут такое дело… Чудеса от тебя скрывают.

Царь же был еще жаднее купца. К тому времени государственные дела он закончил и заскучать успел. Встрепенулся царь от такой новости, купца выслушал, пальцами по столу побарабанил, усы подкрутил и повелел: охотника – привести. И чтобы перо не забыл захватить.

Солнце почти коснулось земли, когда Беренс вошел во дворец. Он был высок и широкоплеч, а старую охотничью шапку носил с не меньшим достоинством, чем царь – свою корону. В тронном зале преклонил охотник колено и обратился к царю:

– Что угодно тебе, царь-батюшка?

Царю охотник сразу не понравился. Он прищурился недобро и отвечает:

– Правда ли, что у тебя есть перо чудесное, что горит оно, будто пламя, но руки не обожжет?

– Правда, царь-батюшка.

– Где ж ты взял его?

Беренс был человек простой и честный, от царя горя не ждал, вот и рассказал ему все, как было. Тут уж царь совсем разозлился: как так, обычному охотнику чудеса являются, а его, царя, стороной обходят? И говорит он охотнику:

– За то, что чудо утаил, должен ты мне эту птицу добыть. А не добудешь – голову с плеч сниму, обратно не пришьешь.

На том и отправил царь Беренса восвояси, а чтобы он не сбежал, приставил к нему двоих дюжих парней, из дворцовой охраны. Так втроем они в избушку и вернулись.

На следующее утро стал охотник в лес собираться, и царские прислужники вместе с ним. Только к лесу они были не привыкшие, и чуть отошли от дороги, забоялись. Оглядываются, друг на друга натыкаются, даже чуть было не подрались. Усмехнулся охотник в усы и говорит им:

– Вот что, братцы. С таким шумом мы волшебную птицу не то, что не добудем – не увидим. Дальше я один пойду. А вы тут, на тропе меня подождите.

– А откуда нам знать, что ты не сбежишь? – спрашивают прислужники.

– А вот вам мое честное слово. Для вас, может, такое слово мало значит, а у нас, простых людей, не так много и есть, кроме этой самой честности. Мы ее бережем.

Нахмурились прислужники, но послушались. Больно уж их лес густой пугал. А Беренс шагнул в деревья и будто исчез.

Целый день бродил охотник по чаще, пока не пришел на то место, где встретил жар-птицу. Лег он под дерево, притаился и ждет, сон от себя гонит.

Вот уже совсем стемнело, даже молодой месяц скрылся в облаках. Вдруг видит Беренс – летит жар-птица, будто пламя по веткам скачет, потрескивает, но не жжет. Вспорхнула она на толстый сук прямо над охотничьим укрытием, подняла голову и запела. Тут охотник сеть и набросил.

Забилась жар-птица, заметалась. А потом посмотрела на Беренса и говорит ему:

– Отпусти меня, добрый человек! Во всем лесу знают, что ты не жадный, лишнего не берешь и зверей зазря не обижаешь. И меня не обижай, отпусти на волю.

– Да я бы и рад, – отвечал охотник. – Только царь меня тогда уж живым не отпустит.

И рассказал он жар-птице о своей беде. Задумалась чудесная птица, жаль ей стало охотника.

– Хорошо, – говорит. – Пойду я с тобой к царю. Но ты меня ему не отдавай, пока он не пообещает, что в клетку меня сажать не станет, и даст летать на воле, сколько захочу. Тогда я стану жить во дворце, и каждый вечер буду ему петь.

Кивнул Беренс и снял сеть. Жар-птица тут же прыг ему на плечо, будто живой огонь вспорхнул. Испугался охотник, что его обожжет, вздрогнул, а птица засмеялась:

– Не бойся, самой мне не загореться. А вот если человек пропоет возле меня трижды: «Огонь, огонь, огонь», перья мои вспыхнут по-настоящему, и ничто это пламя загасить не сможет, пока я того не пожелаю. Все сгорит, что я захочу. Но ты об этом никому не говори, а сам не забывай, может быть, пригодиться.

С этими словами жар-птица нырнула ему за пазуху, устроилась теплым комочком и затихла. Так они из лесу и вышли. А там их уже царские прислужники поджидали. Всю ночь они не спали, сидели на тропе и боялись леса. Хотели было костер развести, да не знали, с чего начать. В итоге оба замерзли и разозлились. Поэтому, когда охотник вернулся, схватили его под руки и потащили сразу к царю. Даже позавтракать не дали.

А у царя как раз в тот день был день рождения. Пир на весь мир, гости из разных стран, послы с подарками… Все сидят за столами и царя расхваливают. Вот туда, в тронный зал, и ввели охотника. Прошел он по залу, мимо столов, мимо гостей, прямо к царю, преклонил колено и молчит. Царь его и спрашивает:

– Ну что же, выполнил ли приказ? Добыл ли жар-птицу?

Гости за столами так и ахнули. Замерли и ждут, что же дальше будет. А охотник ему отвечает:

– Добыл, царь-батюшка.

– Да где же она?

– Я ее тебе отдам, но ты прежде пообещай, что в клетку ее не посадишь, обижать не будешь, и летать позволишь, где она захочет.

Зароптали гости за столами: как так, простой охотник царю условия ставить посмел! Нахмурился царь. Хотел было крикнуть, чтобы повязали Беренса и в темницу бросили, да уж больно ему жар-птицу получить хотелось. «Ладно, – думает. – Казнить его я всегда успею». Покачал царь головой, пальцем погрозил:

– Как со мной говоришь, а? Негоже, негоже. Но сегодня я добрый, так и быть, прощаю. Пусть летает птица, мне не жалко.

Охотник кивнул, поднялся во весь рост и выпустил птицу. Взлетела она к потолку, как живое пламя. Сияя и переливаясь, облетела весь зал по кругу и села на плечо царю. Гости разом про все забыли, сидят и на нее любуются. А царь не забыл. Снял он птицу с плеча, будто бы разглядеть получше собрался, и раз – спеленал ее своей мантией. Птица бьется, выбраться не может, а царь кричит своим стражам:

– Хватайте наглеца да в темницу! Будет знать, как царю дерзить! А утром – казнить!

Повязали охотника, он и сказать ничего не успел. Птицу в клетку посадили. И дальше пировать.

Вот лежит Беренс в темнице на соломе, а темница – она и есть темница. Темно в ней, ни окошечка, ни просвета, только дверь дубовая. Лежит и думает, что дальше делать. Похлопал по карманам, вытащил трубку, набил табаком, а разжечь-то и нечем. Огниво, видно, где-то в лесу потерялось. Вздохнул охотник, вспомнил огненную птицу и пропел задумчиво:

– Огонь, огонь, огонь…

И вдруг вспыхнуло что-то под его курткой, у самого сердца, будто горящий уголь попал. Заплясал огонь по воротнику, по рукавам, так, что едва успел охотник из куртки вывернутся. И вот чудеса: лишь сбросил он ее на пол, рассыпалась куртка пеплом. А из пепла вылетело маленькое пламя – перо жар-птицы. И легло к ногам охотника.

«Ничто мое пламя не загасит, пока я того не захочу. Все в нем сгорит, что я пожелаю», – вспомнил охотник слова жар-птицы.

– Мне ведь ты сгореть не пожелаешь? – Спросил охотник в темноту и поднял перышко.

Оно было чуть теплым. Но когда он поднес его к дубовой двери темницы, перо разгорелось ярче, и дверь обратилась в пепел. Освещая себе путь пером, Беренс шел по подземному коридору, пока не добрался до лестницы. У самой лестницы стоял охранник. Перо снова вспыхнуло, да так ярко, что пришлось зажмуриться, и, казалось, стало больше, будто огненный щит вдруг вырос в руке. Охранник бросил оружие и побежал, куда глаза глядят. А охотник отправился в тронный зал.

Во дворце было темно, почти все спали, а те, кто не спал, бросали все и в страхе убегали, когда Беренс подходил ближе. Двери тронного зала распахнулись перед ним, и он увидел клетку, а в ней – жар-птицу. И почти уже дошел до нее, когда дворцовая охрана, которая собралась в большой отряд и набралась, наконец, храбрости, его схватила. Выпало перышко из рук охотника, улетело, так, что не достанешь. Но клетка была совсем близко, и жар-птица в ней расправила сияющие крылья.

– Огонь, огонь, огонь, – пропел охотник.

И вспыхнуло пламя, и понеслось по дворцу, разгораясь все ярче, все горячее. Взобралось оно на крышу, опустилось в подвалы, сожгло роскошные шелка занавесок, дорогую древесину столов, расплавило царскую корону. И развеялся шикарный дворец по ветру, будто его и не было. А все его обитатели, сонные и напуганные, остались стоять на пепелище. Пламя не причинило им вреда, потому что жар-птица не хотела им зла. Взвилась птица в небо, отыскала царя и села перед ним на землю.

– Ты наказан за жадность и обман, но ты все еще царь на этой земле, – сказала жар-птица. – Построй себе новый дворец, но пусть он будет скромнее сгоревшего. Продолжай править, но не вздумай отбирать у людей то, что им дорого. И впредь держи данное слово. А не то снова окажешься на пепелище.

Царь огляделся вокруг и заплакал. А птица уселась охотнику на плечо, и они ушли прочь. Говорят, что охотник покинул царство, и выстроил себе другую избушку, на краю другого леса, женился, и живет, горя не знает. И перышко до сих пор у него. По вечерам он ставит его не стол, вместо свечки.

А царь? Царю, пока не выстроил себе дом, пришлось жить у добрых людей. И люди были действительно добрые, потому как жадный царь, пока царствовал, много дел натворил, и только по-настоящему добрый человек мог его простить. Пока он так жил, много думал, много учился. И когда дворец был готов, царь вошел в него уже совсем другим человеком. В памяти людей он остался умным, добрым и справедливым правителем.

Дверь в счастье

Далеко отсюда, то ли на юге, то ли на севере, было когда-то королевство. Были в королевстве густые леса, широкие поля, глубокие реки и чистые озера. Земля его была щедрой, а люди – счастливыми. Правил тем королевством Добрый король.

Он был маленького роста, лицо его покрывали веснушки, жесткие волосы торчали из-под короны в разные стороны. Никто точно не знал, сколько ему лет, но люди не помнили другого короля.

Король жил в маленьком, почти игрушечном замке, вместе со своими министрами и единственной дочерью. Ее звали Аврора. Она была такой же веснушчатой, как и отец, и на всю страну славилась живым умом и непоседливостью. Говорили, что ее мать – могущественная колдунья, которая живет в Волшебной стране, потому что не может долго жить среди людей. Еще говорили, что каждый год, с приходом лета, Аврора садиться на крылатого коня и уезжает навестить мать. Коня никто никогда не видел, но принцесса действительно каждое лето куда-то исчезала.

В южной стене замка была неприметная деревянная дверь. Шел слух, что эту дверь подарила Доброму королю его загадочная жена. Кто-то в это верил, кто-то – нет, но все точно знали, что дверь эта волшебная. Потому что каждый житель королевства хоть раз да входил в эту дверь.

А вела она в счастье. Когда кому-то становилось по-настоящему плохо или грустно, человек приходил к Доброму королю, и король открывал для него дверь. За дверью могла быть тишина, или бурное веселье, или добрый совет, или хорошая книга – все, что угодно, и именно то, что необходимо. Можно было провести за дверью какое-то время и с новыми силами вернуться к повседневным делам.

Знали о двери и за пределами страны. Многие приезжали в страну, чтобы побывать за дверью не потому что им это было нужно, а просто из любопытства. Они приходили к Доброму королю, но тот качал головой.

– Я не смогу ее открыть, – просто отвечал он.

И это была правда. Даже Добрый король, о котором говорили, что его женой была могущественная колдунья, а дочь летала на крылатом коне, не мог открыть замок без необходимости, лишь по своему желанию.

Время шло, и о волшебной двери узнал Злой король. Он был великим завоевателем, покорившим уже половину мира, но не ведавшем счастья. В покоренных им странах людям жилось тяжело, потому что Злой король умел лишь пугать и воевать, но не умел управлять. И вот он все шел и шел вперед, порабощая народы, сжигая леса, вытаптывая поля и иссушая озера. И не было во всем мире героя, способного остановить его. Так на его пути оказалось королевство Доброго короля.

– Я завоюю эту землю и возьму себе волшебную дверь. Тогда все поймут, что я – самый могущественный человек в мире! – решил Злой король. Он развернул свою огромную армию и двинулся на Доброго короля.

Дочь Доброго короля, Аврора, как раз возвращалась домой с очередных летних каникул. Она летела высоко в облаках на белоснежном крылатом коне (все-таки, это была правда), и заметила внизу грозное воинство. Аврора спустилась ниже, чтобы лучше разглядеть, что происходит. Она увидела Злого короля, и в этот же миг Злой король увидел ее.

Что-то произошло с ними обоими. Принцесса замерла в воздухе, и щеки ее покрыл яркий румянец. Злой король застыл на земле, и его лицо стало бледным, как снег. И, наверно, случилось бы что-то важное, если бы в эту минуту не запела походная труба, созывая войско на обед. Злой король обернулся на звук, и принцесса тут же нырнула обратно в облака.

Всю дорогу домой она вспоминала лицо Злого короля и его полные страха глаза, а лишь войдя в замок, помчалась к отцу.

Добрый король выслушал дочь и спокойно кивнул:

– Я ждал его. Не волнуйся ни о чем. Все будет хорошо.

И он вернулся к государственным делам, будто ничего не случилось. Добрый король не стал собирать армию, не стал укреплять город. Он просто ждал.

Но Аврора, которая видела врага, не находила себе места. В ее сердце поселилось странное беспокойство, и она не могла просто ждать.

– Если отец не хочет ничего делать, я сама позабочусь обо всем, – сказала Аврора министрам, которые тоже были обеспокоены бездействием короля. – Сегодня ночью мы унесем и спрячем самое большое сокровище – нашу дверь. Она не должна достаться такому злодею.

Так они и сделали. И едва успели унести ее подальше в лес, как враг вошел в столицу. Жители страны не могли бороться с такой большой и озлобленной армией, и Злой король заполучил еще одну землю в свое владение. Он вошел в маленький, почти игрушечный замок, где на троне сидел Добрый король, и встал напротив него, скрестив руки на груди.

– Где волшебная дверь? – спросил он гневно.

– Поверь, я бы тоже хотел это знать, – вздохнул в ответ Добрый король.

– А где твоя дочь? – закричал Злой король еще более гневно, но голос его дрогнул.

– И этого я не знаю, – грустно ответил Добрый король и сошел с трона.

– Садись, – сказал он своему врагу.

Злой король так рассердился, что перевернул трон, разбросал бумаги, разлил чернильницу и затопал ногами.

– Найти дверь! – приказал он своим солдатам.

Но солдаты не смогли этого сделать. Не нашли они и принцессу с министрами. Тогда Злой король решил остаться в стране, пока не отыщет все, что ему было нужно. Доброго короля он оставил при себе, сделав его личным шутом. Шутовской колпак пришелся Доброму королю впору, и, казалось, никак не повлиял на его добрый нрав. А корона оказалась точно по голове Злого короля.

Надо сказать, что Злой король был красив. Но чтобы увидеть это, нужно было забыть про выражение недовольства и злости на его лице, а это было очень нелегко.

Для королевства начались тяжелые времена. Злой король не умел создавать, не знал, как вести дела, чтобы в стране всего хватало и всем жилось хорошо. А то, что он не мог найти волшебную дверь, сделали его еще мрачнее и злее. Если бы не Добрый король, который осторожно подсказывал Злому, что нужно делать, стране было бы совсем плохо. Злой король злился и кричал на своего шута каждый раз, когда шут давал ему советы, но ему все равно приходилось их слушать. Ведь пока он был в этой стране, нужно было, чтобы она хоть как-то жила.

Так прошло полгода. Наступила зима. И однажды ночью в окно каморки, где теперь жил Добрый король, осторожно постучали. Король распахнул ставни, и в каморку ввалилась его дочь, румяная от мороза, в искорках снега.

Счастливый отец крепко обнял Аврору:

– Где же ты была? Я так беспокоился о тебе!

– И я беспокоилась о тебе, папа. Как же ты позволил этому негодяю так поступить с тобой? – спросила Аврора. – Мы должны прогнать его! Мы с министрами собираем армию…

– Армия тут не поможет, нас слишком мало, и мы просто погибнем, – грустно сказал Добрый Король. – Злой король не уйдет, пока не найдет волшебную дверь.

– Он ее никогда не найдет! – яростно сказала Аврора. – Мы очень хорошо ее спрятали.

На лице Доброго короля появилась спокойная улыбка. Так он улыбался в тот день, когда дочь сказала ему о приближении врага.

– Ага, – сказал он. – А куда вы ее спрятали?

На следующий день Злой король, как обычно, сидел на троне в тронном зале. Сегодня он был мрачнее обычного, как будто почувствовал, что ночью в замке была принцесса. Он хмурил брови и то и дело смотрел в небо сквозь большие дворцовые окна, как будто ожидал увидеть там крылатого коня. Но вместо коня в небе кружились густые хлопья снега. Его шут, он же – Добрый король, сидел у стены и задумчиво читал книгу.

– Что с тобой, твое величество? – спросил он Злого короля.

– Сам знаешь, что со мной, – прорычал в ответ Злой король. – Мне нужна дверь.

Шут устало потер глаза. Почти всю ночь он проспорил со своей дочерью, и в конце-концов сумел настоять на своем. И теперь он внимательно вгляделся в лицо Злого короля.

– Даже если ты получишь дверь, она не принесет тебе радости, – сказал шут. – Потому что открыть ее могу только я. Но я сделаю это для тебя.

– Ведь ты клялся, что не знаешь, где волшебная дверь! – взревел Злой король. От ярости его бледное лицо стало малиновым.

– И я говорил правду, – возразил шут – Но моя дочь, Аврора, знает это, и она покажет путь. Хватит ли у тебя смелости пойти за ней?

Услышав имя принцессы, Злой король снова побелел. Он испугался, как не боялся еще ни разу в жизни. Но грозный завоеватель не должен показывать страха тем, кого он завоевал.

– Я пойду за ней, – ответил Злой король.

– Хорошо, – сказал шут. – Дождемся темноты. Ты оставишь здесь охрану и никому не скажешь, куда идешь. Если ты не побоишься верить мне, я дам тебе слово, что ты вернешься во дворец живым и невредимым.

Злой король расхохотался:

– Я никого и ничего не боюсь!

Шут промолчал. К вечеру снег стал еще гуще. Ветер завывал в печных трубах королевского дворца, а по стеклам поползли ледяные узоры. Злой король и Добрый король стояли в королевском саду, кутаясь в теплые плащи. Злой король ужасно мерз: под одеждой он спрятал кольчугу, и холодный металл заставлял его дрожать. Он нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Добрый король спокойно стоял рядом и смотрел в небо. А в небе высоко над ним, почти невидимый в снегопаде, парил белый конь. Он снижался плавными кругами, и вот, наконец, коснулся земли и сложил крылья. С его спины спрыгнула невысокая девушка в тулупе – принцесса. Она смотрела только на отца, будто он стоял в саду один.

– Все в порядке? – спросила Аврора.

– Да, – ответил Добрый король.

Тогда принцесса глубоко вздохнула и во второй раз в жизни посмотрела в лицо Злого короля:

– Садись на коня, – сказала она. – Мой отец заставил меня пообещать, что я не сброшу тебя вниз. Так что не бойся.

И она забралась обратно в седло и протянула руку своему врагу. Злой король уселся у нее за спиной.

– А как же доберешься ты? – спросил он у Доброго короля.

– Не беспокойся об этом. Лети!

Крылатый конь взмыл в небо. Как только он исчез из вида, Добрый король закрыл глаза и сел на снег. А открыл глаза уже не король, а белый Филин. Птица расправила крылья и полетела следом за конем.

На самом деле, Добрый король был обычным человеком. Но когда ты женат на могущественной колдунье (все-таки, это было правдой), невозможно чему-то не научиться. Например, превращаться в птицу.

Крылатый конь приземлился в лесу, у подножья холма. В тот же миг из-за деревьев вышел Добрый король.

А Злой король огляделся вокруг и зарычал:

– Но здесь ничего нет!

– Смотри, – ответила принцесса.

Она спрыгнула с коня, подошла к холму и постучала по склону. Тут же в склоне открылась дверь. Холм оказался большим домом. Втроем они вошли в гостиную. Там горел камин, стоял большой стол, а в деревянных креслах сидели министры. Но Злой король на них не смотрел. В южной стене гостиной была старая деревянная дверь. Злой король видел только ее.

– Наконец-то! – сказал он. Не разуваясь и не стряхнув с себя снег, он прошел к двери, и Добрый король, как и обещал, открыл ее для него.

Злой король не знал, как вернулся назад. Он помнил, что заснул за дверью, а проснулся уже в гостиной внутри холма, на грубо сколоченной деревянной кровати. За большим столом сидели принцесса, Добрый король и министры. Они пили чай, смеялись и разговаривали вполголоса, чтобы не разбудить Злого короля.

Когда Злой король понял, где он находится, он вскочил с кровати и снова ринулся к двери.

– Открой ее! Открой ее сейчас же! – закричал он – Я должен вернуться туда!

Принцесса и министры испуганно подскочили, но Добрый король покачал головой и спокойно ответил:

– Я не смогу открыть ее для тебя.

– Не обманывай меня! Ты один раз уже открыл ее! – кричал Злой король.

– Все верно, – сказал Добрый король и указал на стул рядом с собой – Садись, я расскажу тебе секрет волшебной двери в счастье.

Злой король сел за стол, и ему тут же подвинули чашку чая.

– Видишь ли, – сказал Добрый король. – Чтобы дверь работала, нужно соблюдать равновесие. Не только брать, но и отдавать. Дверь дала тебе почувствовать себя счастливым, и взамен ты должен сделать счастливым кого-то еще. Тогда, когда тебе это будет необходимо, ты сможешь снова перешагнуть порог.

Злой король ужасно рассердился. Он решил, что его обманули. Ему ужасно захотелось сжечь дверь и разобрать весь этот дом по бревнышкам, но он знал, что тогда никогда не сможет вернуться в самый счастливый миг своей жизни. И Злому королю стало очень грустно.

– Но я умею только воевать, – сказал он. – Это может сделать кого-то счастливым?

– Нет! – твердо сказала Аврора. – Но ты можешь научиться чему-то еще. Если, конечно, не побоишься.

Гордый завоеватель с вызовом взглянул на принцессу:

– Я ничего не боюсь.

Злой король, Добрый король, принцесса и министры вернулись в замок. С этого дня Злой король стал учиться делать добрые дела. Он распустил свою армию и отправил солдат по домам. Он вернул трон Доброму королю и сделался его учеником. Бывший Злой король, а ныне – Ученик, оказался очень способным. Вскоре все завоеванные им земли (а их было немало) смогли зажить счастливой и радостной жизнью. С каждым добрым делом злые черты исчезали с лица завоевателя, его взгляд становился спокойнее, голос – мелодичнее. Он проводил много времени в библиотеке, где вместе с принцессой читал труды мудрецов прошлого.

Так прошло несколько лет. И Ученик пришел к Доброму королю и сказал, что снова хочет поехать к волшебной двери. Добрый король позвал с собой принцессу, и они отправились в путь.

Войдя в гостиную дома-в-холме, Ученик прошел к двери и вдруг остановился.

– Прежде чем я войду, – обратился он к принцессе. – Скажи мне, Аврора, станешь ли ты моей женой?

Потому что с того самого момента, как Ученик, тогда еще бывший злым королем, увидел принцессу, он полюбил ее.

– Конечно! – ответила принцесса. Потому что с того самого момента, как она увидела Ученика, тогда еще – Злого короля, она полюбила его.

– Тогда мне больше не нужна дверь, – сказал Ученик. – Потому что в тот самый первый раз, когда я преступил порог, я увидел нашу свадьбу.

Добрый король рассмеялся. На радостях (а может, и специально?) он позабыл запереть дверь в счастье, и с тех пор она оставалась открытой. И сейчас, через много-много лет, когда одни королевства сменили другие, и все позабыли о летающих конях и могущественных колдуньях, дверь продолжает существовать. Она появляется то там, то здесь, и вы можете зайти в нее и даже этого не заметить. А уж сработает она или нет, зависит только от вас самих.

Портрет

Фея сидела на подоконнике и задумчиво смотрела на дождь. Хрустальный шар обещал сегодня хорошую погоду, и на ней было легкое летнее платьице и сандалии. За ее спиной художник заваривал чай.

Художник был молод, и это удивляло. Ведь только к принцессам и принцам феи приходят при рождении, всех остальных они навещают, когда человек становится настоящим мастером своего дела. Фея вздохнула и отвернулась от окна. Да, он был мастером. В этом она уже убедилась. Достаточно было побывать в его мастерской и увидеть его за работой. Он не писал картины. Он их творил. Просто поразительно, что полотна не оживали.

– Тебе с мятой или без? – спросил художник.

– С мятой. Спасибо, – ответила фея.

Художник отщипнул веточку от висящего на стене букета специй, растер один листок длинными, тонкими пальцами, поднес к носу и глубоко вдохнул запах. Потом кивнул, довольный, и положил мяту в чайник.

Фея пересела за стол. Ей нужно было решить, какой дар преподнести мастеру, но ничего не приходило в голову. Он уже был добр, умен, известен, и денег у него было ровно столько, чтобы не беспокоится о них. Можно было, конечно, женить его на принцессе, да и принцесса подходящая была, вот только фея точно знала, что такие люди, как этот художник, сами находят своих принцесс.

– Послушай-ка, Жан, – сказала она, отпивая из кружки. – Ты уже год сидишь в своей мастерской. Неужели тебе не хочется посмотреть мир?

– Конечно, хочется, – ответил художник. – Как только закончится дождь, я отправлюсь в путешествие. Буду ходить по городам и деревням и писать людей, которых встречу. Красивых и уродливых, счастливых и грустных, молодых и старых. Я оставлю здесь все, даже свое имя, и пойду налегке, как бродячий художник.

– Как же ты назовешь себя?

– Новое имя мне даст дорога.

Фея заглянула в его глаза и сказала:

– Я выбрала подарок для тебя, Жан. Ты получишь его, когда обретешь новое имя. Броди по миру, рисуй людей. В каждом новом месте, где ты остановишься, ты сможешь написать один волшебный портрет. Конечно, кроме него будут и другие, обыкновенные. Но тот, кого ты выберешь для волшебного, будет счастлив: все ошибки из его прошлого исправятся, а его будущая жизнь станет правильной. Она не будет легкой или богатой, зато будет именно той, что ему подойдет. Я знаю, этот дар – большая ответственность, но уверена, что ты справишься. А если устанешь от него, просто выбери место, где тебе захочется жить, и оставайся там. Мой дар будет с тобой, только пока ты в дороге.

Едва закончился дождь, художник и фея вышли за порог мастерской. Стояла удивительная свежесть, какая бывает только после летнего ливня. Фея поежилась в своем легком платьице.

– Возьми мою рубашку, – сказал художник и набросил ее фее на плечи.

– А как же ты? – удивилась фея.

– Тому, кто ищет новое имя, не очень-то нужна старая рубашка.

И художник пошлепал по лужам прочь. Фея провожала его взглядом, пока он не скрылся за поворотом. А потом она вспомнила о других делах.

Художник долго шел, никого не встречая в пути. Он чувствовал себя легким, как воздушный шарик, и совершенно счастливым. Художник уже успел порядком отойти от города, и теперь шел вдоль леса. Вдруг из-под деревьев выскочили двое мальчишек с велосипедами

и понеслись мимо него. Они обдали его брызгами из луж и, по чистой случайности, толкнули в бок. Художник потерял равновесие и плюхнулся на обочину. Мальчишки остановились в отдалении и оглянулись. Мокрый художник сидел на траве и хохотал. Тогда мальчишки снова оседлали своих ржавых коней и закричали, исчезая:

– Бродяга! Бродяга – мокрые штаны!

«Ну что ж, – подумал художник, – бродяга и есть. Пусть это и будет моим именем». Он поднялся, отряхнул со штанов песок, и пошел дальше.

Первый год промчался незаметно. Художник бродил по свету и рисовал людей, как и хотел. Вглядываясь в них, перенося на холст их черты, он все больше узнавал о них, все больше понимал. И с каждым разом все дольше выбирал, чей же будет тот самый волшебный портрет. Увы, ему не удалось остаться безвестным. Слава о нем бежала далеко впереди него самого, и каждый человек в каждом доме мечтал, что увидит на счастливом портрете свое лицо.

Ненастным летним днем Бродяга пришел в маленькую захолустную деревню. Сюда еще не добрался городской шум и блеск, и в каждом доме привечали домового, а в реке, по слухам, жила настоящая русалка. Моросил дождь, и Бродяга спрятался под козырьком ближайшего дома. Дверь тут же открылась. На пороге стояла девушка в белом фартуке поверх платья.

– Не стойте на холоде, проходите в дом. – сказала она.

Девушку звали Роза. Она напоила его чаем со свежими булочками, приготовила для него комнату и вернулась в кухню, к отцу и матери. Художник очень устал с дороги и сразу лег спать. Уже засыпая, он услышал, как шептались за дверью хозяева:

– Это точно он. Может, если ему у нас понравится, он нарисует кого-нибудь из нас?..

Художник вздохнул, перевернулся на другой бок и заснул.

Деревенское утро было прекрасно, особенно для того, кто выспался и вкусно позавтракал. Мешали только любопытные глаза, повсюду следившие за художником. Взрослые были с ним вежливы и приветливы, а дети ходили по пятам. Все ждали, когда же он достанет краски и кисти. Но Бродяга не торопился. В деревеньке не было гостиницы, а жить в чьем-то доме художнику не хотелось, чтобы не чувствовать себя кому-то обязанным. Поэтому первым делом он расспросил жителей, нет ли где пригодного для жилья домишки.

– Домишко-то есть, – отвечали люди. – Да вот только жить тебе там вряд ли захочется. Видишь, во-он там, у самого конца деревни, стоят два дома, один против другого. В сером доме с покосившимися стенами живет старик Абнер, колдун. К нему лучше близко не подходить. Он постоянно ворчит, плохо пахнет, и наводит порчу одним взглядом. Пустой дом – тот, с красной крышей. Как раз напротив абнеровского.

Художник пожал плечами. Домик стоял на отшибе, и ему это нравилось. А страх перед колдуном, возможно, отвадит ненужных посетителей и даст возможность спокойно подумать. Он поднял на плечо рюкзак и отправился к домику с красной крышей.

Старик Абнер сидел на крыльце и курил длинную трубку. В его запущенном саду паслась большая белая коза, а из-за дома доносилось кудахтанье кур. При виде нового соседа он поморщился, сплюнул и ушел в дом.

Художник стал устраиваться на новом месте. Там нашлась старая, еще крепкая кровать, правда, без матраса, трехногий стол и дровяная плита. В углу у двери стояла почти лысая, оплетенная паутиной метла. Бродяга поглядел на нее, потом вышел в сад, нарвал свежих прутьев и вымел из дома все, что считал лишним. Он растопил плиту, чтобы выгнать прочь сырость, затем вернулся в сад и принялся собирать букет из всего, что попадалось под руку.

Художник так увлекся, что не замечал ничего вокруг, и когда сзади кто-то презрительно фыркнул, аж подпрыгнул.

На дороге между двумя домами стоял Абнер и неприязненно смотрел на художника.

– Дурень, это болиголов. Давай, нарви побольше, чтобы уж точно голова разболелась. И у кровати поставь.

Художник озадаченно посмотрел на букет.

– А я думал, болиголов не цветет. И растет только на болоте.

Абнер язвительно рассмеялся:

– Думал он! А там, по-твоему, что? – он махнул своей палкой вдоль дороги. – Болото и есть. Учиться надо было, а не картинки малевать. Ума-то нет…

Он сплюнул и поковылял к себе. Художник с сожалением отложил букет.

– Эй, привет!

Этот голос был намного приятнее абнеровского. В сад, смущенно потупив глаза, вошла Роза. В руках она держала большую корзину, прикрытую вышитой салфеткой.

– Я подумала, ты будешь устраиваться, и тебе будет не до готовки… Вот, – девушка покраснела и протянула корзину художнику.

В ней оказался глиняный горшочек с горячим супом и пироги. Художник чуть помедлил, потом взял корзину и весело сказал:

– Спасибо, я и впрямь забыл о еде. Зато о хорошем чае я помню всегда. Ты ведь составишь мне компанию? Угощение за угощение – идет?

Розе ничего не оставалось, как согласиться.

Роза была первой в длинной веренице гостей, потянувшихся к дому Бродяги. Ничуть не опасаясь старого колдуна, они приходили с подарками, угощениями, просто добрыми словами. Шли в тайне друг от друга, и, столкнувшись на дороге, очень смущались и делали вид, что идут совсем по другому делу и вовсе не туда.

Художник не брал подарков, щедро угощал тех, кто приходил угостить его, отмахивался от лести, а на доброту отвечал добротой. Он никого не выделял, никому не подавал надежды. Правда, люди шептались, что из всех девушек он чаще всего разговаривает с Розой. Но ее жених, здешний кузнец, быстро положил конец и шепотам, и самим разговорам. Он, конечно, желал невесте счастья, но был уверен, что для этого ей достаточно просто выйти за него замуж. Тем более, если художник нарисует самого кузнеца.

В обществе Бродяги люди старались вести себя наилучшим образом. Они с необычайным рвением делали свою работу, тщательно следили, чтобы одежда была чистой, а дом – аккуратным. Даже распоследние лентяи принялись чинить заборы и приводить в порядок дворы – ведь не станет же художник рисовать неряху и плохого хозяина?

Деревенские мальчишки старались шалить так, чтобы Бродяга не видел, но получалось у них не очень.

Как-то вечером художник отправился прогуляться. Впереди на дороге ковылял Абнер, возвращающийся из лавки. Он оглядывался по сторонам, то и дело презрительно фыркая. На свою беду, именно этим вечером гончар Григорий решил еще разок покрасить забор. Он стоял на стремянке и уже заканчивал работу, когда Абнер остановился и в очередной раз фыркнул. Григорий от неожиданности оступился и вместе со стремянкой упал вниз, прямо в бадью с остатками краски.

– Да чтоб тебя! Тьфу, тьфу, нечистая сила! Рассыпься! Пропади!

Абнер едко захохотал:

– Вот, вот оно, твое настоящее лицо! Не спрячешься. Думаешь, если покрасишь свой забор, ты ему понравишься, и он тебя нарисует? Ха-ха-ха!

Бедняга гончар выбрался, наконец, из бадьи, и вытирал краску с бровей. Его толстое доброе лицо перекосилось от гнева и обиды.

– Уйди прочь, Абнер! Я хотя бы делаю что-то полезное, а ты только ходишь и позоришь людей ни за что.

– Позорю! Ха! – проскрипел старик – Вы позоритесь сами. Никто из вас не стоит картины.

– А кто стоит? – спросил художник.

Он незаметно приблизился к спорщикам и теперь стоял на дороге и смотрел на них с легкой улыбкой. Тут откуда-то из-за кустов вылетело яйцо и попало прямо в лоб Абнеру. Старик страшно зарычал. Кусты ответили детским смехом и удаляющимся топотом ног. Гончар поглядел на измазанного в яйце Абнера и захохотал, хватаясь за бока.

– Так кто же стоит? – тихо повторил художник.

Абнер стер с лица желток и зло сверкнул глазами:

– Нарисуй вон того обормота! Ивар, я знаю, это ты! – старик угрожающе потряс своей палкой в сторону кустов и повернулся к художнику: – Да, давай, рисуй его! Может, у него совесть появится. Или мозги.

И Абнер, громко ругаясь и истекая яйцом, зашаркал домой.

Художник задумчиво посмотрел ему вслед.

– Злобнющий старикан, – сказал гончар. – За всю жизнь никому доброго слова не сказал.

– Почему? – спросил художник.

Гончар сложил свою стремянку и пожал плечами.

– Он всегда считал себя лучше других. Умнее. А я думаю, просто потому, что ты умеешь лечить, ты не становишься лучше других.

– А он умеет?

– Ну, он же колдун. Только, сам понимаешь, к нему не очень-то часто ходят. Разве что когда совсем плохо. Наша Роза пытается у него учиться, так он и на нее кричит. А ведь она ему еду носит. Злобнющий, одно слово.

Гончар собрал весь инвентарь, кивнул художнику и ушел за забор. А художник задумался. Он свернул с намеченного пути и отправился в лавку, чтобы немного поболтать с продавцом. И, может быть, случайно встретить Розу.

Когда он вернулся к себе, уже начинало темнеть. Голова у него гудела от историй, слухов и домыслов, которыми щедро поделился лавочник. Если ты не только задаешь вопросы, но и внимательно слушаешь ответы, всегда рискуешь узнать больше, чем хочется… Подходя к дому, Бродяга вдруг услышал слабый смех со стороны абнеровской развалюхи. В освященном прямоугольнике окна он увидел Розу, которая сидела за столом и что-то записывала, и Абнера, стоящего рядом с открытой книгой в руках. Старый колдун что-то сказал, и девушка снова рассмеялась. Художник вошел в дом, зажег керосиновую лампу, достал из сумки альбом, а из плиты – кусочек угля и принялся за наброски…

С того вечера он стал реже появляться в деревне. Как всегда перед началом работы, он много гулял, наблюдал, или сидел в саду с термосом травяного чая. Если кто-то заговаривал с ним, Бродяга отвечал рассеянно, а потом вдруг неожиданно спрашивал: «Почему ты хочешь, чтобы я нарисовал тебя?». Люди пугались этого вопроса и в то же время ждали его. Им хотелось объяснить, рассказать, доказать, что именно они, а не кто-то другой, достойны портрета. Художник спокойно слушал и молча кивал, запоминая. И никто не мог понять, о чем же он думает.

Бродяга жил в деревне уже почти две недели. Он знал, что дольше оставаться нельзя. Люди, которые старались показать себя с лучшей стороны в первые несколько дней, скоро начнут коситься друг на друга с недоверием и шептать друг о друге гадости, лишь бы избавиться от соперников. Художник не хотел этого. Однажды, в каком-то городе, он уже совершил эту ошибку – остался слишком надолго. А когда написал портрет и ушел, люди не могли смотреть друг на друга от стыда за свои поступки.

Пришла пора выбирать.

Бродяга думал об этом, подходя к лавке. Вдруг он услышал доносящуюся оттуда брань. Без всякого удивления художник узнал голос своего сварливого соседа.

– Вранье! – кричал старик Абнер – У тебя на полках лежит свежий хлеб, а мне ты суешь вчерашний!

Перед ним на прилавке лежал унылый каравай. Лавочник спорил, уперев руки в бока:

– Уж я-то знаю, где какой хлеб! И не ошибусь! Это свежий хлеб, как раз для тебя.

– Да об него мыши зубы сломают, не то, что такой старик, как я! Нет у тебя совести. – Абнер топнул ногой. – Поменяй каравай!

– И вовсе не такой уж ты старик, как тут расписываешь. Не стану менять!

Так они кричали друг на друга, когда в лавку вошел художник.

– Доброго дня, – сказал он – Дай-ка мне хлеба, Горан.

Лавочник тут же потянулся и снял с полки еще теплый, дышащий каравай. Художник поглядел на свой хлеб и вдруг повернулся к Абнеру:

– Послушай-ка, сосед. Я собрался жарить тосты, а хлеб у меня для этого совсем не подходящий. Слишком уж мягкий. А вот твой мне будет в самый раз. Не согласишься ли ты оказать мне услугу и поменяться со мной?

В лавке воцарилась тишина. Казалось, прошла вечность, когда Абнер, наконец, заговорил.

– Я окажу тебе услугу, сосед, – сказал он медленно. – Если ты в ответ окажешь услугу мне.

– Конечно, – ответил художник, с улыбкой глядя ему в глаза.

Лавочник ахнул. Но ни художник, ни Абнер, не обратили на него внимания.

Старик вытащил из своей огромной сумки ароматный сверток:

– Каждое лето я собираю травы на зиму. В этот раз, видишь ли, я собрал слишком много мяты и мелиссы. Хранить негде. Обычно я отдаю излишки аптекарю, но у него, оказывается, у самого достаточно. Окажи мне услугу, забери их себе, чтоб не пропали.

– С радостью, – сказал художник.

Абнер передал ему сверток, забрал каравай, с достоинством кивнул на прощание и ушел. Художник и лавочник остались одни. Лавочник Горан прицокнул языком, но под взглядом Бродяги стушевался и пробормотал:

– Не такой уж он старик, как говорит, – и добавил, громче и злее, чтобы скрыть смущение:

– И хлеб не вчерашний!

Бродяга молча заплатил за хлеб и вышел. Он дошел до общего колодца, сел и прислонился спиной к каменной кладке. День переходил в вечер, воздух был густой и тяжелый, как перед грозой. Над колодцем туда-сюда носились ласточки. Художник отломил горбушку и принялся жевать. К нему тут же подскочил воробей и остановился, заинтересованно поблескивая крошечными глазами. Бродяга бросил ему крошки, и воробей бойко принялся их подбирать.

Птиц стало уже шесть, когда с дороги послышались осторожные шаги.

– Привет, – сказал художник.

– Привет, – ответила Роза.

Она поставила на землю высокий глиняный кувшин и теперь наполняла его водой.

– Я скоро уеду, – сказал художник.

– Очень жаль, – ответила Роза. И вдруг сказала: – Это значит, ты уже выбрал, кого нарисуешь?

Художник промолчал. Он прожевал еще кусок хлеба и спросил:

– Почему ты хочешь, чтобы я нарисовал тебя, Роза?

Девушка покраснела. Потом подняла кувшин и тихо ответила:

– Я скоро выхожу замуж. За кузнеца. Мы выросли вместе и всегда очень дружили, как и наши родители. Он очень хороший человек. Но я хочу быть уверена, что мы выбираем друг друга, потому что это правильно, а не потому, что просто привыкли друг к другу.

Художник молча кивнул. Потом улыбнулся.

– Да. Я выбрал, кого нарисую, – сказал он.

Был поздний вечер, над болотом грохотал гром, но дождь еще не начался. Художник поднялся на чужое крыльцо и постучал в дверь. Дверь чуть приоткрылась.

– Я хочу нарисовать тебя, – сказал художник.

– Чушь! – фыркнул Абнер и попытался захлопнуть дверь, но художник ее удержал.

Тогда Абнер вздохнул и спросил:

– Ты что, не знаешь, что я злой колдун?

– Я слышал об этом, – ответил художник. – Но я не верю, что злые колдуны умеют лечить людей.

– Ты что, не знаешь, что никому в деревне я не сказал ни единого доброго слова? – спросил Абнер.

– Мне так говорили, – кивнул художник. – Но мне, как только я приехал, ты дал добрый совет.

– Неужели ты не знаешь, что я не уважаю никого в деревне и считаю себя умнее других? – спросил Абнер в третий раз.

– И это мне сказали. Но ты единственный человек, кто попросил за другого.

Тогда Абнер отступил в сторону и впустил художника в дом. Здесь была старая, еще крепкая кровать, трехногий стол и дровяная плита. Хозяин уселся на единственный скрипучий стул, а гость примостился прямо на полу.

– Все ошибки того, кого ты нарисуешь, исправятся, и жизнь его станет правильной, верно?

– Так и есть.

Абнер улыбнулся, но не как обычно, язвительно, а по-доброму и даже немного грустно.

– А ты никогда не думал нарисовать себя самого?

– Я никогда не сомневался, что в моей жизни все правильно.

По крыше забарабанили первые капли дождя. Абнер поднялся и задернул занавеску, а потом снял с полки заварочный чайник. Художник молча смотрел, как он заваривает чай. Старик отщипнул лист от пучка мяты, размял в пальцах и поднес к носу. С закрытыми глазами он вдохнул аромат, и только потом добавил мяту в чайник.

– Есть только одна вещь, о которой я действительно жалею, – вдруг сказал Абнер. – Когда-то, очень давно, я заключил сделку с колдуном. Я был одержим идеей лечить людей, и колдун дал мне способность исцелять самых безнадежных больных. В обмен он взял мою молодость. Я жалею об этом. Но не уверен, что это было неправильно. Эта сделка подняла на ноги многих в нашей деревне… Только, знаешь, когда ты лечишь человека, ты узнаешь о нем больше, чем тебе хотелось бы знать. И чем больше я узнавал о людях, тем меньше они мне нравились. Тем сложнее было им помогать. И тем сложнее им было приходить ко мне, ведь они знали, что я знаю их, и знали, что я о них думаю. Они потому и назвали меня злым колдуном, что не хотели быть в долгу передо мной. Разве злому колдуну кто-то может быть должен? Если ты неприятный человек, то и от других ничего приятного не жди. А я – очень, очень неприятный. Думаю, ты зря потратишь краски, рисуя меня.

– Что же, тогда я не буду тратить краски, – ответил художник.

За окном бушевала гроза. В старом доме с протекающей крышей, в комнате, наполненной запахом травяного чая, при свете керосиновой лампы художник рисовал портрет Абнера, углем на куске картона.

Звенели гитары, в воздух летели цветочные лепестки. Жители деревни надели лучшую одежду, повара и кондитеры приготовили лучшие блюда. Роза выходила замуж. Она была любимицей деревни, и ее праздник стал общим праздником. Правда, были и такие, кто

искренне недоумевал, глядя на ее избранника. Но им тут же указывали, какими счастливыми выглядят молодые, и ропот стихал – сказать на это было нечего.

Художник спрятался от свадебной кутерьмы у колодца. Он сидел в тени и наслаждался тишиной, когда услышал чьи-то шаги.

– Привет, сосед, – сказал Абнер и примостился рядом.

– И тебе привет, сосед, – ответил художник и добавил – Поздравляю.

Потому что это за него вышла замуж Роза. Два года она была его ученицей и помощницей. А две недели назад немолодой, но обаятельный и энергичный деревенский врач Абнер набрался смелости и предложил ей стать его женой. Роза, искренне любившая своего учителя, сразу согласилась.

– Спасибо, – сказал Абнер и повторил, уже совсем о другом – Спасибо.

– Услуга за услугу, сосед, – улыбнулся художник. – Попрощайся от меня со всеми.

Он поднялся, подхватил рюкзак и неторопливо пошел прочь из деревни. Абнер смотрел ему вслед, пока он не скрылся за поворотом.

А за поворотом художника ждала фея. Она сидела на пне и куталась в его старую рубашку.

– Здравствуй, Жан, – сказала фея. – Вот уже больше года, как ты в дороге. Не надумал вернуться домой?

– Нет, – ответил художник. – Ведь тогда я больше не смогу писать волшебные портреты и исправлять ошибки. За этот год я понял, что, меняя одну жизнь, ты меняешь и все остальные. Разве теперь я могу повернуть назад?

– Я не ошиблась в тебе, – улыбнулась фея. – Могу я сделать что-нибудь для тебя?

Художник чуть подумал и, поскольку такие, как он, сами находят своих принцесс, предложил:

– Пойдем со мной?

И фея ответила:

– С радостью.

Лавка «Зелья и прочие товары»

Представьте себе небо. Летнее небо, по которому медленно, с достоинством плывут облака. Представьте себе птицу. Она парит в небе, широко раскинув крылья, ветер и воздушные потоки щекочут перья на ее шее. Иногда птица кричит от радости и полноты ощущений. Иногда она смотрит вниз, на землю.

А на земле расстилается королевство. Отсюда, с высоты, оно похоже на лоскутное одеяло, кое-как брошенное на смятую кровать. Оно стелится по холмам, по долинам, складками деревенек сбегает с гор, и реки пересекают его, будто затейливые швы.

В самом его сердце сверкает белизной столица – город Карадос-на-Хине, и рукава судоходной Хины обнимают его с двух сторон. Птица спускается ниже. Теперь ей видны высокие городские стены, а за ними – крыши домов и улицы, мощеные черным камнем. По улицам спешат пестро одетые люди, цокают копытами лошади, грохочут телеги и кареты. На главной площади перед королевским дворцом бьет высокий фонтан. Но птице не нужно в город. Она сворачивает влево, к лесу, что тянется почти от самой реки и почти до самых холмов. Она летит над верхушками деревьев, вглядывается в их листву, замечает в ветвях мелких лесных зверьков. Вдруг, совсем неожиданно, внизу появляется озеро. На его берегу, но не у самой воды, а чуть дальше, стоит маленький деревянный домик с двускатной крышей. К его стене прислонена лестница, а на лестнице балансирует девушка в рабочем комбинезоне и подкрашивает вывеску.

Птица приземляется здесь. Она садится на прибрежный песок и громко кричит. Девушка на лестнице оборачивается и улыбается. Тогда птица скребет лапами землю, низко, как в поклоне, наклоняет голову, и превращается в молодого человека, сидящего на корточках.

Он поднимается на ноги, оглядывает домик и довольно потирает руки.

– Ну что, можно открываться? – спрашивает он.

– Пожалуй, можно, – отвечает девушка.

В лавке начинается новый день.

Может показаться, что самая середина леса – далеко не лучшее место для торговли. Но весь вопрос в том, чем именно вы собираетесь торговать. Есть такие вещи, которые можно покупать и продавать только в маленьких деревянных домиках в глубине леса. Например, волшебные книги (издание новое, дополненное, с цветными картинками), магические амулеты (осторожно, искрят!), сказочное оружие (пользоваться с аккуратностью) и – по вторникам – имбирное печенье. Иными словами, лавка «Зелья и прочие товары» расположена именно там, где надо, и именно там, где ее будут искать. И если мы снова оторвемся от земли и посмотрим на лес сверху, то увидим, что к ней очень быстро кто-то приближается. А это значит, что скоро произойдет что-то интересное…

Леший Серега с самого утра был не в настроении. Впрочем, он всегда был не в настроении с утра. И, если уж быть до конца честным, то он вообще всегда был не в настроении.

Серега работал археологом. На окраине леса, с той его стороны, что не примыкала к реке, когда-то было поселение. Никто (за исключением пары-тройки эльфов, но их не слушали) толком не знал, кто здесь жил и как. Поселенцы оставили после себя группу стоящих камней, которую при некотором усилии воображения можно было принять за круг, и череду могильных курганов. И если круг находился на открытой поляне, то курганы тянулись в лес, а это значило, что без специального разрешения леших ничего раскапывать нельзя.

Договориться с ними было трудно. Ко всему, что касалось лесов, эти ребята относились очень серьезно. Настолько, что когда люди собирались что-то делать на лесных территориях,

к ним обязательно присоединялся сотрудник-леший, который одновременно и помогал, и следил, чтобы все было в порядке.

Серега не был единственным археологом среди леших. Но так получилось, что в этот раз он был единственным лешим среди археологов. И это его совсем не радовало. Ранним утром он, как обычно, поднялся на холм, на работу. Первый час все шло как всегда – в земле не было ровным счетом ничего – ничего захватывающего, удивительного, неожиданного, ничего из того, ради чего он стал археологом. Серегино настроение совсем испортилось, и тут из холма вдруг что-то блеснуло. Серега ахнул. А когда раскопал это что-то наполовину, ахнул снова, на этот раз куда тише. Потом огляделся и сделал то, чего не сделал бы ни один добросовестный археолог: сунул находку под куртку. Очень быстро он спустился вниз, отпросился с работы и торопливо, вприпрыжку, умчался в лес.

Серега шел в лавку «Зелья и прочие товары».

– Ого! И откуда здесь у нас ЭТА штука?

Три головы склонились над лежащим на стойке предметом. На лицах читалось недоумение. Предмет был золотым, блестящим и пузатым, хоть и несколько помятым. При большом желании и некоторых магических способностях на боку можно было различить нечеткую надпись.

– Вот дела! Алика, я-то думал, ты мне объяснишь. Я глазам не поверил, когда ее нашел.

Девушка в черном комбинезоне аккуратно приподняла предмет и принялась поворачивать его так и этак.

– Да уж… – произнесла она. – Странно. Я даже затрудняюсь сказать, откуда она изначально… Нужно в энциклопедию заглянуть.

– А может, просто потереть? – предложил третий участник беседы. Это был тот самый юноша, которого мы видели еще птицей.

Алика и Серега воззрились на него в негодовании.

– Потереть? – переспросила Алика. – Финист, ты это серьезно?

– Ну да, а что? Сразу все узнаем, из первых рук.

Алика вздохнула.

– Ну да-а, – протянул Серега. – То есть, я стащил лампу у археологов только для того, чтобы джинна из нее выпустили не они, а ты.

– Да может, там и нет никого. Она же сколько лет тут валялась. Если бы в наших краях объявился настоящий джинн, мы бы об этом знали, разве нет?

– Зависит от обстоятельств, – возразила Алика. – Но я совсем не готова с ним встречаться. Сомневаюсь, что сидение взаперти сделало его душой компании. Скорее всего, он будет зол. Очень.

Трое снова посмотрели на лампу.

– Так, – сказала Алика. – Я схожу за книгой, а вы пока ничего не делайте, ладно?

– А можно нам все-таки сделать кофе? – спросил Серега.

– Можно. Но больше – ничего.

Ребята кивнули. Алика нырнула за занавеску, в маленькую комнатку, бывшую одновременно и кладовой, и кабинетом, и библиотекой. Здесь стоял стол, привезенный Финистом из какой-то восточной сказки, и стул, сколоченный им же из сосновых досок. Стены комнатки были расчерчены полками, на которых громоздилась всякая всячина, от книг до странных полупрозрачных склянок. Алика подтащила стул и потянулась к самой верхней полке. Пальцы нащупали корешок книги…

И тут домик тряхнуло. Алика оступилась и рухнула вниз, сверху на нее посыпался хлам с полок. За занавеской кто-то завыл. Девушка нащупала что-то, напоминающее дубинку, и выскочила в зал.

Серега прятался под стулом. Финист, ставший птицей, сидел на карнизе. Волшебная лампа валялась на полу и выглядела подозрительно пустой.

– Та-ак… – сказала Алика.

– Это случайно получилось! – донеслось из-под стула. – Финист полез за кофе и задел лампу… А потом еще раз…

Птица спрятала голову под крыло.

– Чудесно. И где джинн?

– Понятия не имею, – ответил леший.

– Превосходно. Может, вылезешь из-под стула?

– Только после того, как ты положишь вантуз.

– Что?.. А. – Алика, наконец, посмотрела на предмет, который держала в руках.

– Пойми меня правильно, я знаю, что виноват, и даже готов понести наказание, – объяснил Серега, по прежнему из-под стула. – Но перспектива получить вантузом кажется мне слишком унизительной.

Алика улыбнулась. На Серегу решительно невозможно было долго сердиться. Грозное оружие скрылось под прилавком, и леший, наконец, выкарабкался из укрытия. Он потянулся было к лампе, но Алика его остановила.

– Пока не трогай. Финист, давай тоже сюда. И прими, пожалуйста, человеческий облик, горе мое. Та-ак…

Она огляделась. Ничего не сломано (удивительно!), ничего не разбито (невероятно!), только магические амулеты пощелкивают и немного искрят. Алика посмотрела на пристыженных мальчишек и приняла решение.

– Далеко от лампы джинн не уйдет, это факт. Будем его искать.

Ребята застонали.

– А что делать? Если джинна не приструнить, он таких дел натворит, ни одно королевство не выдержит.

– Да он же нас проглотит и не заметит! – возмутился Финист. – Сама говоришь, он злющий.

– Не ной, – оборвал его Серега. – Никто тебя глотать не станет, ты оборотень. Только перьями подавишься.

Финист фыркнул.

– Ладно, я понял. Я лечу и ищу его с воздуха, а Серега шуршит по лесу. Или что вы, лешие, там делаете? Так, да?

Алика молча кивнула. Финист глубоко и безнадежно вздохнул, взмахнул рукой и превратился в птицу. Серега посмотрел на него, потом на Алику.

– Что, прямо сейчас? А кофе?

– Получишь, когда вернешься.

Ребята ушли. Убедившись, что они уже достаточно далеко, Алика вышла и прикрепила на дверь картонку с надписью «Закрыто». Потом она задвинула ставни на окнах и зажгла керосинку. Вернулась в кладовую, раскопала среди упавших вещей энциклопедию, разложила ее на стойке и прочла несколько страниц под буквой «Д» (Джинны) и буквой «Л» (Лампы волш., см. Аладдин). Наконец, она поставила вариться кофе. Если бы за ней кто-нибудь наблюдал, он бы заметил, что Алика очень старается не замечать лежащую на полу лампу.

Снаружи началась гроза. Капли дождя бились о крышу, словно пытались вколотить домик поглубже в землю. Порыв ветра с разгона ударился в окно, ставни задрожали, Алика обернулась и случайно посмотрела на лампу. Лампа блестела.

– Ну ладно, – сказала Алика в пустоту.

Она подошла и осторожно взяла лампу в руки.

– Ты здесь, я знаю, – проговорила Алика. – Выходи. Не заставляй меня это делать.

Лавка ответила настороженной тишиной.

– Мне этого совсем не хочется.

По-прежнему тихо. Алика покачала головой.

– Ладно. Помни, ты сам напросился.

Она энергично потерла лампу. Пламя в керосинке мигнуло, воздух на секунду стал тяжелым и вязким, запахло гвоздикой, и…

… пшшш!

На полу возникло тощее грязное существо. Одето оно было только в ветхие шаровары, длинные спутанные волосы спадали из-под тюрбана тускло-серым водопадом, а борода превратилась в сплошной колтун. Джинн (а это был он) сидел, обхватив себя руками за колени. Он мелко дрожал и всхлипывал.

Алика стояла с открытым ртом, не веря своим глазам.

– Ты – раб лампы?!

Джин поднял голову и посмотрел на нее:

– Я… Тысячи лет… Где я? Когда я?

– Ты?.. Ты сейчас. – Алика собралась с мыслями и добавила: – Не бойся. Ты среди друзей. Бедняга…

– Он просидел в лампе три тысячи лет, представляете? Это значит, что он – один из первых «рабов лампы», а о них вообще почти ничего не известно, их никогда толком не изучали. Нужно обязательно рассказать о нем Эсфири!

Серега и Финист обменялись мрачными взглядами. Они только что вернулись, усталые и насквозь промокшие, и обнаружили сияющую энтузиазмом Алику. А еще ребята поняли, что можно было вообще никуда не ходить. Теперь оба сидели, завернувшись в пледы и насупившись, и даже превосходный горячий кофе не улучшал их настроения. Хотя, конечно, с ним было теплее.

– Вот скажи мне, Алика, и стоило ли выгонять нас под дождь, чтобы сделать то, что я предложил с самого начала? – пробурчал Финист.

Алика смутилась.

– Ну, если честно, я до последнего момента не была уверена, что стоило тереть лампу. Тут такое дело… По правилам, джинн должен был предстать перед хозяином, когда его вызвали, но он просто… сбежал. Это было странно. С другой стороны, во всех легендах говорится, что хозяином джинна может стать любой человек. Человек, понимаете? Про оборотней и леших там ни слова не сказано. И еще. Джинны, как известно, не могут причинить вред тому, кто их вызвал, а вот насчет всех остальных не очень понятно. – она посмотрела на мрачных мальчишек и добавила – Ладно, ребят, я же не знала, что погода настолько испортится!

Серега фыркнул. Потом чихнул. Алика тут же долила ему дымящийся кофе. Вид у нее был виноватый, и леший сменил гнев на милость.

– Да уж… – проворчал он. – И куда же ты в итоге подевала свое сокровище?

Алика неопределенно махнула рукой:

– А… Да… Маргарита зашла, очень кстати. И я поручила Мустафу ей. Они наверху, кажется, если не ушли никуда.

Серега одобрительно кивнул. Маргарита была маленькой старушкой, которая жила в избушке на окраине леса. Горожане считали ее выжившей из ума ведьмой, но на самом деле она не умела колдовать. Зато очень хорошо умела вязать, шить и обрабатывать раны. Маргарита была обычным человеком. Избушку, в которой она жила, когда-то построил ее муж, охотник, как временное жилье на зимний сезон. Едва наступали холода, он и Маргарита переезжали туда, и возвращались в город только с приходом весны. Но однажды, особенно морозным днем, ее муж не вернулся с охоты. Не вернулся он и на следующий день, и через неделю. Маргарита ждала. Она ждала до прихода весны и всю весну, и все лето, а потом еще осень и снова зиму. Но

он так и не пришел. И Маргарита постепенно состарилась в своей избушке. Горожане забыли о ней, а лесные жители приглядывали за одинокой старушкой и следили, чтобы она ни в чем не нуждалась. Когда в лесу появилась лавка, Алика и Финист взяли заботу о Маргарите на себя.

– Подожди-ка, трехтысячелетнего джинна правда зовут Мустафа? – спросил Финист.

– Ну, нет. Просто у него очень длинное имя, невозможно выговорить. Маргарита придумала назвать его Мустафой.

В глубине лавки кто-то тяжело затопал, и из подсобки в зал вышла сухонькая старушка. Ее лицо почти полностью состояло из морщинок, из-под густых бровей подслеповато щурились добрые глаза. Она улыбнулась (морщинки задвигались) и сказала:

– Пришли, внучки, добры молодцы. А мы заждались уже. Вот, посмотрите, какого красавца я вам веду.

Занавеска медленно отодвинулась. На пороге стоял джинн, все такой же тощий, но чисто вымытый, аккуратно подстриженный и сильно помолодевший. Одет он был в штаны и рубашку Финиста, которые висели на нем, как на вешалке. Джинн оглядел собравшихся, потом подошел прямо к Алике и церемонно поклонился:

– Моя госпожа.

Мальчишки расхохотались. Алика покраснела.

– Что? Почему? Да ну, какая я тебе госпожа!

– Ты взяла лампу и вызвала меня, – очень серьезно объяснил джинн. – Теперь я буду тебе служить.

Серега издал жалобный стон и сполз со стула. Финист пролил на себя кофе.

– Не волнуйся, деточка, – сказала Маргарита. – Ему скоро надоест.

Не тут-то было. Мустафа оказался очень внимательным и предупредительным джинном. Он выбрал себе уютное местечко в подсобке, обложился книгами и изучал время и место, в которых оказался. Но стоило Алике приняться за какое-то дело, джинн тут же вскакивал и пытался сделать все за нее. Он начистил магические амулеты так, что они сверкали. Он прибрался в подсобке и расставил все предметы по полкам, попутно смахнув с них пыль. Он вымыл всю посуду и склеил разбитые чашки.

Сначала Алика смущалась. Потом досадовала. И в конце-концов рассердилась.

– Это просто невозможно! – взвыла она, когда Мустафа мягко отобрал у нее турку и сам встал к плите. – Мустафа! Прекрати сейчас же!

Джинн испуганно замер с туркой в руке.

– Чем я прогневил мою госпожу?

– А-а-а-а!!! – Алика уронила голову на руки. – Я никакая не госпожа! Хватит!

– Ты взяла лампу и вызвала…

– Да, я знаю! Но это было… случайно! – Алика попробовала успокоиться. В конце концов, джинн ни в чем не виноват. Он просто… назойливый зануда. – Слушай. Я совсем не хочу быть твоей госпожой. И я не хочу, чтобы ты мне все время помогал! То есть, спасибо тебе большое, что вымыл посуду, и вообще… Но больше – не надо. Я буду все делать сама. Я должна все делать сама, понимаешь? Не нужно мне служить, – она набрала побольше воздуха и закончила: – Ты свободен.

Алика ожидала вспышки света, землетрясения, голоса с небес – всего, что угодно, кроме того, что произошло. Джинн грустно улыбнулся.

– Ты не сможешь меня освободить, госпожа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.